



К.А. Пахалюк

## ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО НА ЗАЩИТЕ ИМПЕРИИ

В годы Первой мировой войны Русская Императорская Армия была в массе православной и, следовательно, присутствие в ней служителей культа являлось необходимостью. Институт военных священнослужителей появился в начале XVII века и регулировался двумя главами из петровских «Воинских артикулов»: «О страхе Божии» и «О служении Божии и о священниках» (на флоте - морским уставом 1720 года)<sup>1</sup>. По штату в каждом полку находилось по одному православному священнику и церковнику, которые были обязаны проводить богослужения, исповедовать и причащать раненных, хоронить и отпевать погибших, а также извещать родственников о погибели. Также священники были при штабах корпусов, армий и фронтов. Своя церковь (имени праведного Николая (Кочанова)) в годы Первой мировой имела и при штабе Верховного главнокомандующего.<sup>2</sup> На середину 1915 г. численность священнослужителей в войсках доходила до 1800.<sup>3</sup> На конец войны в составе ведомства протопресвитера армии и флота состояло до 700 священнослужителей постоянного состава и около 3000 священников, привлеченных из епархий<sup>4</sup>. Всего за годы Первой мировой, согласно записке протопресвитера Г. Шавельского в адрес народного комиссариата военных дел от 29 января 1918 г., 40 священников было убито или умерло от ран, более 200 получили раны и контузии, свыше 100 находились в плену.<sup>5</sup> Более того, 14 православных священнослужителей получили в награду орден Св. Георгия 4-й ст., 227 – золотой наперсный крест на георгиевской ленте, 85 – орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами, 203 – Св. Владимира 4-й ст., 304 – орден Св. Анны 2-й ст., 239 – Св. Анны 3-й ст.<sup>6</sup>

Конечно, не все совершали геройские подвиги или вели себя достойно сану – иначе не понадобился бы циркуляр за № 1864 (от 1916 г.) за подписью Г. Шавельского:

<sup>1</sup> Буганов А.В. О русском православном воинстве // Воинский подвиг защитников отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вологда, 2000. Ч. 1. С. 85.

<sup>2</sup> Митрополит Евлогин (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 241.

<sup>3</sup> В ставке Верховного Главнокомандующего // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 11-12. С. 347.

<sup>4</sup> Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и вооруженные силы России в 1800 - 1917 гг. СПб, 1999. С. 173.

<sup>5</sup> Чимаров С.Ю. Указ. соч. С. 174.

<sup>6</sup> Чимаров С.Ю. Указ. соч. С. 169.



*«Всех священников, во время боя остающихся при обозах или вообще вдали от перевязочных пунктов и оставляющих во время боя убитых без погребения, умирающих без напутствия, страдающих без утешения, сражающихся без ободрения, – всех таких священников будут считать нежелающими выполнять свой священнический долг, преступниками перед Богом и Родиной».<sup>7</sup>*

### О значении священников и «открытых» душах

О роли православных священников можно судить по тому, что, несмотря на рост популярности эзотерики и оккультизма, неизбежно сопровождаемый нравственным упадком, Православие продолжало играть активную роль в России, особенно в жизни крестьян, которые составляли костяк армии. Во время войны, явившейся периодом особого напряжения сил и воли, значение религии и традиционных символов возросло, ибо в экстренной ситуации человек склонен цепляться за то, что ближе и крепче укоренено в сознании и подсознании. Не напрасно многим солдатам и офицерам перед уходом на фронт родные давали образки святых, которые должны были защищать воинов от смерти. Известен случай, когда жены 48 солдат, ушедших на фронт из одного села, заказали специальную икону *«Избранные святые»*, где изображались святые соименные их мужьям.<sup>8</sup> С другой стороны, чем дольше война – тем больше меняется сознание ее участников, что вызывает эрозию традиционных ценностей, что в свою очередь, приводит к падению влияния Православной церкви (это и произошло в 1917 г.). Увы, многие (обычно интеллигенты) тогда глубоко ошибались, пытаясь восславить не проявление подвига и героизма, а саму войну как очищающее, священное и благородное действие, закрывая глаза на трагедию миллионов, тем самым показав забвение высот христианской морали.

Постоянная возможность погибнуть повышает, с одной стороны, уровень религиозности, а с другой, и мистицизм (так что говорить о возвращении к истинной вере или открытости душ – тем более о моральном очищении – вряд ли приходится). Давно известно: в окопах атеистов нет, особенно в первом бою. Мировая война не стала исключением. Офицер А.А. Успенский свидетельствовал:

*«Вообще, после всего перенесенного нами на войне, где каждому из нас смерть много раз заглядывала в очи, явился необыкновенный религиозный подъем! Многие офицеры, до войны совершенно не верующие, или индифферентно относившиеся к религии, стали теперь верующими».*

<sup>7</sup> Чимаров С.Ю. Указ. соч. С. 173.

<sup>8</sup> Православие, армия и флот России. СПб, 1996. С. 9.



Так или иначе, на первое место часто выступал фатализм. *Православие становилось средством для преодоления внутреннего напряжения, а отсюда возрастала роль православных священников.*

### Герои в рясе

С первых дней мобилизации они приступили к исполнению обязанностей. Так, перед отправкой на фронт они служили в полках напутственные молебны. Для людей, которые отправлялись жертвовать собою, это было важным ритуалом, укрепляющим боевой дух и дисциплину. На полях сражений основной задачей священнослужителей можно назвать воодушевление личного состава, причем для ее выполнения многие были вынуждены находиться на передовой, рискуя жизнью, но продолжая исполнять долг и тем самым влияя на исход столкновений.

Здесь можно вспомнить о **Иоанна (Терлецкого)**, священника 240-го пехотного Ваврского полка, который в одной из стычек в критический момент появился на передовой с крестом в руках, тем самым воодушевив бойцов, что позволило переломить ход боя (за что оказался награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте).<sup>9</sup>

Для нас сохранилась и история священника 7-го драгунского полка о **Александра (Вишнякова)**, который не только напутствовал солдат в окопах во время боев, но и 25 октября 1914 г. (по ст. ст.) у д. Братковице по личному почину отправился в эту деревню с эскадроном, которому было приказано выбить оттуда австрийцев. Своим присутствием он воодушевлял нижних чинов, которые, не останавливаясь ни перед чем, быстро обратили противника в бегство<sup>10</sup>.

Вызывает восхищение история **иеромонаха Феликса** (288-й пехотный Куликовский полк, 72-я пехотная дивизия), произошедшая во время боя 29 августа (11 сентября) около г. Даркемена. В те дни здесь шли тяжелейшие сражения, в ходе которых была остановлена обходная группа противника, что позволило 1-й русской армии выйти из готовящегося окружения. В этот день командир дивизии генерал П.Н. Туров приказал полку перейти в атаку. Видя колебание солдат (из-за открытого противником огня), о. Феликс пошел вперед со словами:

*«Молодцы! Вспомните присягу, которую вы клялись служить верой и правдой Царю-Батюшке и нашей дорогой родине, не щадя живота своего до последней капли крови. Вот, я пойду вперед, а вы за мной».*

<sup>9</sup> ВВМД. 1915. № 1. С. 32.

<sup>10</sup> ВВМД. 1915. № 3. С. 67.



В дальнейшем во время всего боя мимо холмика, за которым находился иеромонах Феликс, пронесли тяжелораненых, и он успевал их причащать. Ночью полк отошел. На следующий день его командир попросил священнослужителя на своей повозке отвезти двух тяжелораненых на перевязочный пункт. Иеромонах Феликс направился в сторону г. Даркемена, однако тот уже был занят неприятелем. Видимо, наткнувшись на вражеский разъезд, носильщики сложили раненых и вступили в бой, попав в итоге в плен. Священник же успел уехать и только через два дня сдал раненых в лазарет. За это он получил орден Св. Анны 2-й ст.; в дальнейшем был награжден орденами Св. Владимира 4-й ст. и Св. Анны 3-й ст.<sup>11</sup>

Не менее интересен пример священника 5-го Финляндского стрелкового полка **о. Михаила (Семенова)**<sup>12</sup>. Во время боев он часто находился на передовой, ободряя солдат, вынося раненных с полей сражений, причем однажды получив контузию. А во время боя 18 сентября (по ст. ст.), когда под воздействием артиллерии, один из батальонов стал отступать, видя серьезность создавшегося положения и не обращая внимания на непрерывный огонь, о. Михаил надел епитрахиль, бросился вперед и остановил часть отступающих.

Нельзя не упомянуть и иеромонаха Богородицко-Площанской пустыни **Евтихия (Тулупова)**, служившего в 289-м пехотном Коротоякском полку. Он начал войну в дивизионном лазарете, где в конце 1914 года санитаркой работала известная певица Н. Плевицкая, которая в мемуарах оставила о нем несколько строчек: *«...Врачи выбивались из сил, и руки их были в крови. Не было времени мыть. Полковой священник, седой иеромонах, медленно и с удивительным спокойствием резал марлю для бинтов... среди крови и стонов иеромонах спокойно стал мне рассказывать, откуда он родом, какой обители и как трудно ему было привыкать к скоромному. Мне показалось, что он умышленно завёл такой неподходящий разговор. «А может он придурковатый?» – мелькнуло у меня, но, встретив взгляд иеромонаха, я поняла, что лучисто-серые глаза его таят мудрость. Руки мои уже не дрожали и уверенно резали марлю, спокойствие передалось от монаха и мне»*.<sup>13</sup> А летом 1915 года, когда полк попал в окружение, иеромонах, не считаясь с опасностью, повел солдат на прорыв, идя впереди с крестом в руках, причем сам был смертельно ранен. За стойкость и мужество он был награждён орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, а посмертно - орденом Святого Георгия 4-й степени. А. Мамаев писал: *«В атаку полк, с полком и старец, // Поднявши крест над головой, // Идет он рядом с командиром, // Ведя*

<sup>11</sup> См.: ВВМД. 1915. № 13-14.

<sup>12</sup> Впоследствии стал священником Лб-гв. Финляндского полка См.: ВВМД. 1915. № 4. С. 98.

<sup>13</sup> Цит. по: Бирюков Г. Военное духовенство в боях за Восточную Пруссию (1914-1915 гг.) (rusk.ru/st.php?idar=114489)



*сынов всех за собой. // Христа завета всюду верный // Был впереди всегда овец! // В бою он рану принял первый // И царства вечного венец//».*

Особо важными для укрепления боевого духа были богослужения непосредственно перед началом сражения. Сохранились воспоминания капитана А.А. Успенского, командира роты в 106-м Уфимском полку, о том, как 4 августа 1914 г. перед боем под Шталлупененом о. **Василий Нименский** напутствовал солдат:

*«Спешно, спешно прикладывались к святыням (святой крест и Библия – К.П.) православные воины, и каждого он окропил святой водой, напутствуя ободряющими словами. Ушедшие же вперед цепи он издали осенил святым Крестом».*

Интересно отметить, что за усердную службу в начале 1915 года о. Василий получил орден Св. Анны 2-й ст. с мечами.<sup>14</sup>

Важна была роль священников в укреплении боевой дисциплины. Они делали все, чтобы предотвратить распространение социалистических идей в войсках (что началось уже осенью 1914 г. с приходом первых маршевых подразделений). Так, комендант запасного батальона лейб-гвардии Кексгольмского полка от 3 марта 1915 г. (по ст. ст.) писал, **«что в целях предупреждения распространения пропаганды революционного характера в запасные батальоны будут назначаемы опытные священнослужители для совершения богослужений, ведения бесед и пастырского надзора за нижними чинами»**.<sup>15</sup>

За проповеди некоторые священники получали даже награды. Так, командир 84-го пехотного батальона в представлении священника **Н. Лебедева** к награде писал, что тот: **«совершает богослужение в батальонной церкви с 1 октября 1914 года и за все это время с особой ревностью относился к своим пастырским обязанностям, вселяя словом божьим в сердца нижних чинов глубокую веру в Бога и беззаветную преданность царю»**.<sup>16</sup> Высокую роль и значение православного духовенства в жизни армии косвенно подтверждает то раздражение, с каким их деятельность описывалась в советской литературе.

В годы войны одной из основных задач служителей веры стала работа в лазаретах, где они ухаживали за больными, причащали и исповедовали их. Однако священники помогали раненым не только в госпиталях, но и непосредственно на поле боя, выполняя функцию санитаров. Как отмечали сами солдаты: **«Раньше, бывало, священник с обозом, а теперь вместе с полком. Когда начинается бой, священник, благословив полк, отходит назад**

<sup>14</sup> ВВМД. 1915. № 2. С. 34.

<sup>15</sup> Платонов Н.Ф. Церковь и империалистическая война // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 233.

<sup>16</sup> Платонов Н.Ф. Указ. соч. С. 235.



*и тут же, на поле сражения, принимает напутствовать первых тяжело раненых, очень часто помогая санитарам и врачебному персоналу поднять, поддержать и перенести их».<sup>17</sup>*

Здесь можно вспомнить священника 7-го Финляндского стрелкового полка о. **Сергея (Соколовского)**, который 1 (14) марта 1915 г. был ранен в бедро. Утром этого дня немцы перешли в атаку, узнав о которой, священник собрал санитаров и повел их к полю сражения собирать раненных. Чтобы открыть большой обзор местности, на которой шел бой, он стал на совершенно открытом месте - на корень спиленного дерева. Когда один из офицеров оказался убит, священник бросился выносить его тело с поля боя и получил ранение. Наскоро перевязанный, он отказался от носилок ради других бойцов.<sup>18</sup> Свой последний подвиг он совершил уже будучи несколько раз раненным, без кисти правой руки. Тогда полку было приказано разрушить проволочные заграждения, однако из-за огня противника сделать это не удалось. Тогда о. Сергей вместе со своими помощниками, облаченные в белые саваны, и несколькими десятками солдат двинулись под покровом ночи к межкопному пространству и выполнили приказ.<sup>19</sup> За эти подвиги это о. Сергей был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

О другом «герое в рясе», полковом священнике о. **Викторе (Малаховском)**, писал офицер лейб-гвардии Конногренадерского полка Н. Воронович. Во время боя у Каушена он *«поспевал всюду, где тяжелораненые и умирающие нуждались в утешении и последнем напутствии. Не обращая внимания на неприятельский огонь, он приобщал умирающих, перевязывал раненых и закрывал глаза убитым»*

Интересно, что сам о. Виктор «говорил, что он человек мирный и боится опасностей войны. Каждую минуту он ожидал нападения неприятеля, и каждый орудийный выстрел заставлял его вздрагивать. По ночам он почти не спал, кипятил свой чайник, попивал чаек и прислушивался, не начинается ли перестрелка на передовой линии... *Но, если бы все трусы походили на отца Виктора, то в нашей армии никогда не было бы ни вызванных паникой отступлений, ни брошенных обозов.... Отец Виктор боялся только до тех пор, пока не было настоящей опасности, а когда таковая наступала, он забывал свой страх...* Таким же «трусом» был и его церковник **Еремин**. Он также дрожал при каждом выстреле... но совершенно спокойно сопровождал отца Виктора, когда тот на позициях под вражеским огнем перевязывал раненых и приобщал умирающих».<sup>20</sup>

<sup>17</sup> ВВМД. 1915. № 1. С. 31.

<sup>18</sup> См.: ВВМД. 1915. № 10. С. 307-308.

<sup>19</sup> См.: *Горожанина М.Ю.* Деятельность Православной церкви в годы Первой мировой войны // Доклады академии военных наук. Военная история. Саратов: Б/и, 2006. С. 263.

<sup>20</sup> См.: *Воронович Н.* Всевидящее око // Новый Часовой. 2006. № 17-18. С. 186-188.



Не были редкостью случаи, когда священники погибали, получали ранения или попадали в плен. Это лишний раз подчеркивает, что многие из них не отсиживались в тылах, а старались исполнять свой долг полностью, порою и ценой жизни. Например, **о. Виктор** (Малаховский) уже в первые дни войны прибыл в штаб полка с просьбой остаться тут, а не сидеть в обозе:

*«Здесь у вас, может быть, и опаснее, но, как говорится, на миру и смерть красна».*

### Глубоко за линией фронта

Немалую роль Православная церковь сыграла в укреплении тыла и организации снабжения армии, причем взяв на себя широкие социальные обязательства. Уже сразу после начала войны были отслужены молебны о победе, в церквях стали собирать деньги на военные нужды, а свободные церковные помещения Синод распорядился передать в ведение военного ведомства.<sup>21</sup> Так, интересен факт, что Киево-Печерская лавра на нужды армии передала 12 фунтов 55 золотников золота, 45 пудов 37 фунтов 62 золотника серебра, 65 пудов медных монет.<sup>22</sup> При церквях и монастырях создавались специальные кружки для сбора пожертвований для раненных, больных и семей военных, организовывались собственными силами военными госпиталя. Нельзя не сказать, что для широких слоев война была в первую очередь бедствием, и здесь роль православной церкви заключалась в том, чтобы помочь пережить его и справиться с горем.

Нельзя также недооценивать роль священников в плену. Проводимые ими богослужения были тем немногим, что связывало пленных с Родиной, привычным мирным образом жизни и дарило надежду на будущее спасение. Это подтверждается строчками из воспоминаний офицера Казимира Румши:

*«Единственным утешением в плену было богослужение, которое совершали наши пленные священники».*

При попадании в плен священников обычно направляли в офицерские лагеря, однако по собственному почину они могли попасть в солдатские, где условия были намного хуже. К примеру, такое решение принял **о. Иоанн (Казарин)**, полковой священник 30-го пехотного полка (15-й армейский корпус). Находясь в плену, он продолжал проводить богослужения, устроил иконостас, а затем переправил на родину несколько писем, в которых сообщал о тяжелом положении военнопленных. Вскоре на имя о. Иоанна начали присылать различную помощь, в том числе и богослужебные книги.

<sup>21</sup> Суглобов Г.А. Союз креста и меча. М., 1969. С. 34.

<sup>22</sup> Суглобов Г.А. Указ. соч. С. 35.



Любопытный случай произошел в 29-м Черниговском пехотном полку, который воевал в Восточной Пруссии в составе 2-й русской армии генерала А.В. Самсонова. В конце августа 1914 г. центральные корпуса попали в окружение. В кольце оказались и остатки 29-го полка. Взятый в плен знаменосец, пытаясь спасти знамя, отдал его полковому священнику **о. Соколову**. На следующий день германцы объявили, что отпускают домой одного священника и 20 солдат. Среди них оказался и о. Соколов, который через Швецию добрался в Россию и передал знамя верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу.<sup>23</sup> Затем священник был лично принят императором Николаем II, о чем сохранилась запись в дневниках государя.

**Об авторе:**

*Константин Александрович Пахалюк – ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.*

<sup>23</sup> См.: Бирюков Г. История православия в Восточной Пруссии с 16 века по 1915 год. Нестеров, 2005. С. 48-49.